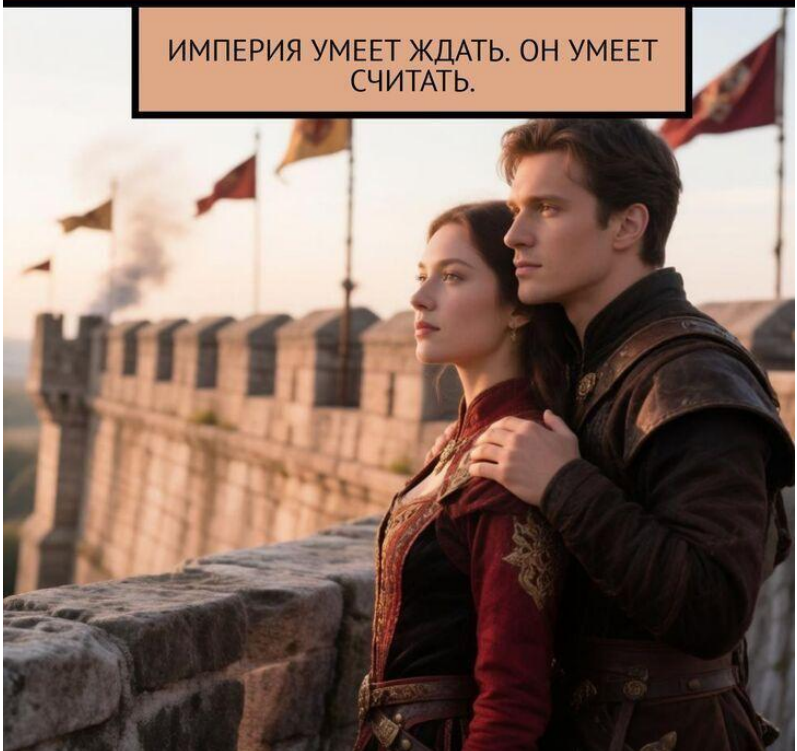
18+

ЕВГЕНИЙ КОНТУР

Наследие Кассиана. Книга 3

ИМПЕРИЯ УМЕЕТ ЖДАТЬ. ОН УМЕЕТ СЧИТАТЬ.



Евгений Контур

Наследие Кассиана. Книга 3. Империя умеет ждать. Он умеет считать

https://litres.ru/74928694
ISBN 9785007172530

Аннотация

Кассиан Нордхеймский правит Тарнхоллом, ему двадцать, и он считает всё: стрелы, дворы, дни до голода. Он слышит камень — дар, за который платят кровью и памятью, — и делит голову с чужим голосом, а голос слабеет. Королева-мать предлагает ему невесту и взамен прощает военный сбор. Отказ стоит дорого: в грамоте остаётся оговорка о двух сотнях конных, которых нечем кормить. Кассиан едет в столицу с цифрами и книгой долгов, чтобы найти третий ответ — между браком и войной.

Содержание

Наследие Кассиана книга 3 5
Три письма 5
Отложенная свадьба 20
Дом Валдо 32
Человек с серебряной цепью 46
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Наследие Кассиана. Книга 3
Империя умеет ждать. Он умеет считать

Евгений Контур

© Евгений Контур, 2026

ISBN 978-5-0071-7253-0 (т. 3)
ISBN 978-5-0071-7120-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наследие Кассиана книга 3

Три письма

Снег сошёл за две ночи, и с южной дороги впервые за зиму стало видно поворот к мельнице.

Кассиан поднялся на западную стену раньше, чем в кузнях развели огонь. Над рекой стоял туман. За воротами кто-то вёл лошадь, и подкова цокала по камню через каждые два шага, потом затихала на грязи и снова цокала.

У третьей башни он остановился и положил ладонь на стену.

Камень молчал третий день.

Он подождал. Потом переставил руку левее, где кладка была старше и всегда отвечала первой. Гул не пришёл. Под ладонью были шершавый тёсаный бок, холод и пыль.

— Ну? — спросил Максим.

— Ничего.

— Совсем?

— Совсем.

Максим помолчал ровно столько, чтобы Кассиан успел соврать, и он не соврал. Потом сказал:

— Тишина тоже ответ.

— В прошлый раз она была короче.

— В прошлый раз была осень.

Кассиан убрал руку. Ладонь осталась холодной. Он постоял ещё немного, глядя вдоль стены на запад, где за полями и мокрым лесом лежал тракт, и пошёл вниз.

На дворе перед кузнями Гарт гонял королевских. Двести человек в чужой форме стояли в две шеренги, и под ними хрустел ночной наст. Гарт шёл вдоль строя и не повышал голоса, но его было слышно до самых ворот.

— Ровнее. Ещё раз.

Он увидел Кассиана и не обернулся, пока не дошёл до конца шеренги. Потом подошёл, вытирая руки о кафтан.

— Двести, — сказал он. — И двести двадцать коней.

— Ты их считал?

— Я их кормлю. Кто кормит, тот считает.

Кассиан оглядел коней, привязанных у коновязи. Половина стояла, опустив головы. Один, гнедой, держал заднюю ногу на весу.

— Который?

— Третий слева. Копыто. Я говорил с их сотником, он сказал, что конь от кузни. — Гарт мотнул головой в сторону коновязи. — Кузня у него, видно, тоже на трёх ногах.

— Сколько наших?

— Сто сорок мечников, триста ополчения по списку и двести десять из них в строю, — сказал Гарт. — Итого пятьсот пятьдесят, если считать королевских за наших.

— Считай.

— Тогда пятьсот пятьдесят. Только это не охрана, ваша милость.

— А что?

— Поводок, — сказал Гарт так же спокойно, как говорил о погоде. — Стена у вас своя. А двести человек в чужой форме — это чтобы вы помнили, кто ещё открывает ваши ворота.

Кассиан не ответил. Он смотрел, как гнедой переступает с ноги на ногу, и думал о том, что за зиму привык считать людей так же, как стрелы: в строю, вне строя, годных, раненых. Двести королевских в этот счёт не укладывались. Они были не вне строя и не в строю, а поверх.

Веллан ждал под лестницей, с книгой под мышкой и в двух кафтанах, потому что в счётной всегда дуло.

— Двести двадцать коней, — сказал он, не здороваясь. — Овса восемь мешков в день, сена тридцать пудов, хлеба на двести ртов, мяса по два дни. В месяц сто девяносто четыре марки. И это без кузнеца, без седел и без того, что они пьют.

— А сколько они пьют?

— По моим сведениям, больше, чем едят. — Веллан открыл книгу и показал пальцем. — Здесь я считаю по прошлому году. За прошлый год у нас в крепости не стояло ни одного чужого солдата, и мне это нравилось.

— Скажи Гарту. Он кормит.

— Гарт мне и сказал. — Веллан закрыл книгу. — Я к тому, ваша милость, что в грамоте это не записано. В грамоте записано, что корона вправе прислать. Про корм там нет ни

слова.

Кассиан посмотрел на реку. Туман поднимался, и за ним уже угадывался мост.

— Значит, будем считать, что корм — это наша благодарность.

— Благодарность, — повторил Веллан. — Хорошее слово. В книге я напишу «содержание».

Лёнька догнал его на лестнице, когда он поднимался к себе. Лёнька всегда догонял на лестнице. У него в руке было два листа, оба мокрые от снега, и он держал их так, будто они могли улететь.

— Ваша милость. Из столицы. Гонец пришёл ночью, я его не будил, я ждал, — он выдохнул. — Печать настоящая.

Кассиан взял лист.

Бумага пахла воском и дорогой. Писала канцелярия, ровным почерком писца, но подпись была своя, и стояла она низко и крупно, как ставят те, кому не надо ничего доказывать.

«Нам известно, что соглашение о свадьбе правителя Тарнхолла с дочерью коменданта назначено на конец лета. Мы не считаем это препятствием. Дом Валдо предлагает племянницу королевы Марию Сесилию Валдо, и корона готова благословить этот союз. В знак родства с Тарнхолла будет снят военный сбор за два года, а оговорка о двух сотнях конных вычеркнута из грамоты на печать».

Лёнька стоял и ждал. У него было такое лицо, будто он

принёс не бумагу, а чужую лошадь.

— Тут ещё, — сказал он. — На обороте, мелко.

На обороте было мелко и просто: «Вы умнее, чем нужно. Это редко прощают».

Кассиан сложил лист вдвое, потом вчетверо, и сунул за пазуху, к монете.

— Скажи Веллану, — проговорил он. — Пусть идёт в счётную.

— Сейчас?

— Сейчас.

Перед счётной он зашёл на стену, где королевские ставили свои караулы. Сотник стоял у второй башни и смотрел, как его люди проверяют зубцы.

— Мальм, — сказал он, не оборачиваясь. — Сотник Мальм.

— Знаю.

— Тогда вы знаете и то, зачем мы здесь.

Кассиан подошёл к зубцу и посмотрел вниз. Двор был виден весь, до поленниц у кузни.

— Кто ставит ваши караулы?

— По уставу комендант крепости.

— Комендант здесь я.

— По уставу — вы, — согласился Мальм. — По бумаге — барон Фальк, когда приедет.

Он говорил ровно и без вызова, как человек, которому давно надоело объяснять одно и то же разным людям.

— Когда приедет?

— Весной. Нам сказано ждать.

Внизу Мортимер вёл через двор гнедого, и конь шёл ровно, не хромая, значит, копыто всё-таки подковали.

— Если корона потребует вас обратно, вы уйдёте.

— Если потребует, уйдём. — Мальм повернул голову. — Мы не ваши люди, ваша милость. Мы её.

— Тогда зачем вы мне здесь?

— Затем, что нам велено здесь быть. — Сотник снова посмотрел на зубцы. — И затем, что здесь, по нашим сведениям, спокойно. У нас в восточных землях спокойно не бывает. Я вам за это благодарен и не скрываю.

Кассиан кивнул. Это был честный ответ, и честнее было не искать.

— Кормят вас с моей кухни, — сказал он. — Жалуетесь?

— Нет.

— А надо бы. — Кассиан пошёл к лестнице. — Если кормят плохо, жалуйтесь коменданту. Он теперь я.

Мальм не засмеялся, но что-то в его лице сдвинулось.

— Ваша милость, — сказал он в спину. — У меня двадцать два человека с больными лошадьми. Если их не перековать до лета, к осени у меня останется сто семьдесят восемь.

— Скажите Мортимеру.

— Я сказал.

— И что он?

— Сказал, что это не ноги, а горе. — Мальм пожал плечами. — Я не понял, но записал.

В счётной пахло чернилами, мокрой шерстью и овсом, которым топили печь, когда не хватало дров.

Веллан разложил письмо на столе и придавил углы камнями, чтобы не сворачивалось. Гарт слушал стоя. Гарлан сел на лавку и положил руки на колени, как кладут, когда собираются сидеть долго. Мортимер остался у двери: он пришёл позже всех и не нашёл места.

— Военный сбор, — сказал Веллан. — Сто шестьдесят марок в год. За два года триста двадцать.

— Это сколько хлеба? — спросил Гарлан.

— В марках или в мешках?

— В мешках.

— Сорок подвод, если брать по прошлогодней цене. — Веллан перевернул страницу. — Теперь оговорка. Двести конных, содержание сто девяносто четыре марки в месяц. Две тысячи триста двадцать восемь в год.

— И что? — сказал Гарт.

— И то, что корона снимает с нас триста двадцать марок и убирает из бумаги оговорку, которая стоит нам две тысячи триста двадцать восемь. Я не вижу здесь благодарности.

— Зато оговорку вычеркнут, — сказал Гарт.

— Из бумаги вычеркнут. Люди останутся в крепости.

Гарт посмотрел на него и ничего не сказал. Он редко спорил с Велланом по цифрам, потому что цифры ему всегда не

нравились и всегда оказывались правы.

Дверь открылась, вошла Лиандра с двумя дощечками и остановилась, увидев, что все стоят и молчат.

— Я не вовремя.

— Ты всегда вовремя, — сказал Кассиан. — Садись.

Она села на край лавки и положила дощечки на колени.

— Стрелы пересчитала. Восемь тысяч двести годных, тысяча четыреста требуют нового оперения. — Она постучала угольком по дощечке. — Что здесь?

— Свадьба, — сказал Гарлан.

— Чья?

— Не знаю ещё. — Кассиан кивнул на лист. — Читай.

Она читала медленно, как читала всё, что касалось счёта, и когда дошла до оборота, вернулась назад и прочла приписку второй раз.

— «Умнее, чем нужно», — сказала она. — Это она про тебя или про меня?

— Про всех, кто умеет читать.

Лиандра положила лист на стол и придавила его ладонью, чтобы не улетел.

— Двести конных нам не прокормить, — сказала она. — У нас в этом году двести шестьдесят марок в запасе, и половина уйдёт на хлеб до нового.

— Они на довольствии короны, — сказал Веллан.

— Они жрут с нашей кухни. Я видела, что остаётся в котлах.

Второе письмо пришло в четверг, с купцом, который вёз соль и всю дорогу боялся, что его остановят на заставе.

Лёнька принёс его в счётную и положил на стол вместе с верёвкой, которой оно было перевязано.

Печать была не восковая, а из смолы, и на смоле оттиснут кулак.

— Это Хельгар, — сказал Кассиан.

Он прочёл сам, потом отдал Веллану.

— Коротко, — сказал Веллан. — Пошлина с тракта делится на четыре части. Одна Тарнхоллу, одна его городу, одна на суд и одна на дорогу. Охрана — общая, наёмная, платим все вместе. Суд — из трёх человек, двое не его. Присяги не требует, господ не требует, доли короне и империи не даёт.

— А что требует? — спросил Гарт.

— Чтобы мы записывали пошлину в открытую книгу и не брали с его обозов больше, чем с чужих.

Гарлан поднял голову.

— Сколько?

— В первый год восемьсот марок на нашу часть. В третий, если обозы пойдут как он пишет, две тысячи.

— В третий, — повторил Гарлан. — А хлеб в этом.

— В этом восемьсот.

Гарлан посидел, посчитал в уме и кивнул. Он всегда уступал цифрам и никогда не делал из этого вида.

Третье письмо пришло на следующий день, и принёс его не Лёнька, а человек в хорошем плаще, который назвался

торговым поверенным и говорил по-нордхеймски слишком правильно.

Письмо было на двух листах, и на втором стояла смета.

— Торговый двор за восточной заставой, — читал Веллан. — Пошлина с проходящих обозов в пользу двора. Деньги вперёд: три тысячи марок в течение месяца после подписи. Двор держит землю двадцать лет и сам чинит дорогу, сам ставит охрану, сам судит своих людей.

— А наших судит кто? — спросил Мортимер.

— Написано: по соглашению сторон.

— Это значит, никто.

Веллан дочитал, сложил листы и посмотрел на Кассиана.

— Три тысячи сразу. Это в четыре раза больше, чем у нас есть.

— И сколько это стоит?

— Двадцать лет пошлины и застава, которая судит сама себя. — Веллан снял с носа очки и протёр их о кафтан. — Но вы спросите не про это.

— Про что?

— Про то, что все три письма стоят одинаково. — Он положил очки обратно. — Независимости. Разница только в сроке. Корона возьмёт через год, империя через три, Хельгар через десять. Я прошу заметить, что Хельгар берёт меньше всех и берёт позже всех, и я всё равно против.

— Почему?

— Потому что через десять лет никто не вспомнит, что он

был добрый. — Веллан закрыл книгу. — Вспомнят, что по тракту ходят чужие обозы, а хлеб мы покупаем.

Кто-то за стеной уронил доску, и все вздрогнули.

Кассиан встал.

— Я еду в столицу, — сказал он. — Считать буду сам.

Гарлан пришёл перед ужином, без стука, и высыпал на стол горсть зерна.

— Вот что будет в мае, — сказал он.

Кассиан взял одно зерно и раздавил ногтем. Внутри была труха.

— Откуда?

— Из третьего склада. — Гарлан сел, не дожидаясь приглашения. — Я его открыл сам, потому что Веллан открывает склады по книге, а книга у него прошлогодняя. Там ещё двадцать подвод, и все двадцать такие.

— Сколько годного?

— На четыре недели, если считать по-старому. На три, если кормить королевских. — Он сгрёб зерно обратно в горсть, но не убрал. — Я не о том, чья это вина. Я о том, что ты поедешь и вернёшься с чем?

— С числами.

— Числа, — сказал Гарлан, — не хлеб.

Он сказал это без злости, как говорят вещь, которую повторяли много раз.

Кассиан не ответил.

— Тогда поезжай быстрее. — Гарлан встал и ссыпал зерно

в карман. — Я не прошу денег и не прошу писем. Я прошу, чтобы ты вернулся до того, как я приду к тебе с той же горстью, только пустой.

К вечеру Тим собрал ему узелок: две рубахи, тёплые чулки, хлеб, соль в тряпице и ещё один хлеб, завёрнутый отдельно, чтобы не намок.

— Тот лук не бери, — сказал он.

— У меня нет лука.

— Я про дорогу. — Тим затянул узел зубами. — На заставе отбирают.

Он поставил на стол похлёбку и стоял, пока Кассиан не сел.

— Ешьте. На стене холодно.

— Я не на стене.

— Я знаю. — Тим поставил похлёбку ближе. — Всё равно.

— Тим.

— Что?

— Ты когда успел?

— Что успел?

— Хлеб. — Кассиан кивнул на узел. — Я сказал вечером.

— Я с обеда пёк. — Тим вытер руки о передник. — По вам с обеда видно было.

Кассиан посмотрел на него.

— Ты не боишься, что я не вернусь?

Тим помолчал. Внизу во дворе кто-то уронил полено, и оно покатилось по камню.

— Боюсь, — сказал он. — Я поэтому два хлеба положил.

— Это не поможет.

— Поможет. — Тим затянул последний узел. — Один вы съедите, второй отдадите. В дороге дорого.

Кассиан взял ложку.

— Я вернусь.

— Когда?

— Не знаю.

Он сказал это и услышал сам: впервые за день он не назвал числа. Тим кивнул, будто другого ответа и ждал.

— Тогда я похлёбку завтра сварю, — сказал он. — И послезавтра.

Он ушёл, и Кассиан остался один. За окном темнело. Внизу, во дворе, королевские разводили костёр и о чём-то спорили, и голоса доходили через стекло без слов, только как гул.

— Ты не спросил про приписку, — сказал Максим.

— Спросил бы. Не у кого.

— Я про другое. — Максим сказал тише: — Она написала «умнее, чем нужно». Это не оскорбление. Она уже посчитала, чем ты можешь быть неудобен.

— И что?

— И то, что письмо писал не писарь. — Голос у него стал тише, чем обычно. — Писарь бы написал «нам известно». А она написала «мы не считаем это препятствием». Так пишут, когда уже решили, где ты будешь стоять.

Кассиан отодвинул миску.

— Ты стал много говорить.

— Я стал меньше помнить, — сказал Максим. — Это не одно и то же, но я всё равно говорю.

Дверь открылась без стука, и вошла Лиандра. Она не переоделась после двора: на плече осталась тёмная полоса от ремня, руки в муке, потому что считала крупу на кухне.

Она положила на стол лист.

Лист был тот самый, только без приписки, и почерк был другой, ровный и мелкий.

— Копия, — сказала она. — В счётную приходят копии, если письмо меняет сбор. Я прочла утром.

Кассиан посмотрел на лист, потом на неё.

— Приписку тебе не переписали.

— Мне переписали. — Она села на лавку напротив. — Просто я хочу знать не про приписку.

Она подождала, пока он что-нибудь скажет. Он молчал.

— Когда ты собирался сказать мне сам? — спросила она.

— Сегодня вечером.

— Вечером я уже знала. — Лиандра сложила руки на коленях, ровно, как на совете. — Я не спрашиваю, почему ты молчал до обеда. Ты всегда молчишь до обеда, это я знаю. Я спрашиваю: ты собирался сказать или собирался решить?

За стеной кто-то из королевских засмеялся, и смех оборвался, как будто его убрали рукой.

— Решить, — сказал Кассиан.

— Спасибо. — Она встала. — Тогда завтра собираемся вдвоём.

— Лиандра.

— Собираемся вдвоём, — повторила она. — Я не поеду в обозе за тобой и не буду ждать в Тарнхолле, пока ты считаешь, сколько я стою.

Она вышла и закрыла дверь без стука.

Похлёбка остыла. Кассиан доел её и пошёл спать, потому что утром была дорога.

Отложенная свадьба

Она вернулась через час, когда он уже лежал и смотрел в тёмный потолок.

Вошла без стука, поставила лук в угол и повесила на гвоздь ремень с колчаном. Стала разматывать обмотки, сидя на краю постели, и на пол падала серая от грязи лента за лентой.

— Я думала, ты будешь спорить, — сказала она.

— Я устал.

— Хорошо. — Она сбросила последнюю обмотку. — Тогда сегодня не спорим.

Он хотел сказать про утро, про дорогу, про то, что в столице придётся стоять не рядом с ней, а против всех. Она положила ладонь ему на грудь и нажала, коротко, как нажимают на дверь, которую надо закрыть.

— Не сегодня.

— Лиандра.

— Сегодня не надо. — Она наклонилась, и её волосы, пахнущие дымом и снегом, легли ему на лицо. — Сегодня просто трогай.

Он положил руку ей на бок, на тёплую кожу над поясом, и почувствовал под пальцами старый рубец от тетивы. Она выдохнула и села верхом, не спрашивая, и комната перестала быть холодной.

У неё были холодные пальцы, и она не стала их греть, а положила ему на живот, чтобы он вздрогнул. Он вздрогнул. Потом она наклонилась и поцеловала его в шею, туда, где под кожей билось, и он почувствовал, как она улыбается.

— Ты похудел, — сказала она ему в ухо.

— Ты тоже.

— Я считала крупу. — Она выпрямилась и сняла рубаху через голову, одним движением, и в темноте её тело было белым пятном, а плечи тёмными от загара. — Считай лучше меня. Хоть где-то.

Он потянулся к ней, и она перехватила его руку, сплела пальцы и прижала к своей груди, и он почувствовал сосок под ладонью, твёрдый и шершавый. Она двигалась медленно, потом быстрее, и дыхание у неё сбивалось, и она не прятала его, не закусывала губу, а дышала так, как дышала после долгого бега.

Он хотел перевернуть её, чтобы она легла, потому что так было привычнее, и она не дала.

— Нет, — сказала она. — Сегодня я.

Он не стал спорить. Он смотрел, как она двигается, и держал её за бёдра, и когда она запрокинула голову, он почувствовал, как её тело сжимается вокруг него, и это было последнее, что он помнил ясно, потому что после всё стало проще и тише.

Она легла рядом, не сразу, а когда смогла, и положила голову ему на плечо. Простыня под ними была влажной. В пе-

чи что-то щёлкнуло, и по комнате пошёл запах остывающего угля.

— Теперь слушай, — сказала она.

Он ждал этого с самого начала и всё равно не был готов.

— Ты откажешься сам, — сказала Лиандра. — При всех. Не в счётной, не письмом, не через Веллана. Встанешь и скажешь вслух, чтобы слышали и королева, и Дэррик, и тот, кто будет записывать.

— Я и собирался.

— Собирался решить. — Она не повысила голоса. — Я видела, как ты решаешь. Тихо, при двух свидетелях, а потом объявляешь, и все уже согласны.

— Это не так.

— Это всегда так. — Она повернула голову. — Я не ревную. Ревновать к бумаге глупо, а к девушке, которую отдают, ещё глупее. Я не хочу, чтобы ты прятался за моим согласием.

— Я не прячусь.

— Ты бы сказал: Лиандра согласна. И это было бы правдой, потому что я бы согласилась. И тогда платила бы я. Второй в собственном доме я не стану, а первой в чужом не хочу. Это не гордость. Это цена.

Он лежал и смотрел в потолок, и в голове было тихо, и тишина была не его.

— Я поеду с тобой, — сказала она.

— В столице будет худо.

— Я знаю.

— Там на меня будут смотреть, как на лошадь на ярмарке.

— Я тоже умею смотреть, как на лошадь. — Она села, и простыня сползла ей на пояс. — Я буду стоять рядом, пока ты говоришь. У дверей, где видно. И это моё решение, а не твоя милость. Не вздумай потом сказать, что взял меня из жалости или из упрямства.

— Не скажу.

— Скажешь. Ты всегда говоришь правду слишком поздно.

Она помолчала, и он понял, что главное она ещё не сказала.

— И ещё одно, — проговорила Лиандра.

— Говори.

— В счётной ты говорил не своим голосом.

— Слышал.

— Я не про то, что ты сказал глупость. Ты сказал умно. — Она повернулась к нему. — Но когда он говорит твоими, у тебя другое лицо. Спокойнее. Как будто тебе уже всё равно, чем кончится.

Кассиан ничего не ответил.

— Я его не боюсь, — сказала она. — Я его слышала, я с ним говорила через тебя, и он мне ни разу не соврал. Я боюсь другого.

— Чего?

— Что однажды его словами ты скажешь мне то, чего сам не думаешь. А потом скажешь, что не говорил. — Она подтянула колени. — Он-то, может, и не сказал бы. А ты повто-

ришь и забудешь.

— Я не забуду.

— Ты забываешь, — сказала Лиандра без нажима. — Сегодня утром ты не помнил, как вчера считал крупу. Я не в укор. Я говорю, чтобы ты знал: за тебя теперь помню я.

Она встала и нашарила на полу рубаху.

— Спи. Утром дорога.

Она оделась и ушла, и на этот раз дверь закрыла тихо.

Кассиан лежал ещё немного. Потом встал, натянул кафтан прямо на голое тело и вышел.

На стене было холодно так, что дыхание садилось на камни. Он дошёл до третьей башни и остановился под швом.

Камень молчал.

Максим не спросил. Обычно он спрашивал сразу, коротко, как отрезал, а тут молчал долго, и Кассиан слышал, как он подбирает слова, будто перебирает их в темноте руками.

— Тишина тоже ответ, — сказал он наконец.

— Ты говорил это раньше.

— Говорил.

— Тогда скажи что-нибудь другое.

— Не могу. — Голос у него был ровный, но в конце фразы сорвался, как срывается шаг на льду. — Я не помню, говорил ли я это раньше или только собирался.

Кассиан убрал руку с камня.

— Ты помнишь Ардэн?

— Помню дождь.

— А вчерашний день?

— Вчерашний день — это было что? — спросил Максим, и по голосу было слышно, что он спрашивает всерьёз.

Кассиан не ответил. Он стоял и смотрел вдоль стены, на зубцы, чёрные на сером небе, и считал про себя: третий день тишины, второй день, когда Максим путает слова. Он считал, потому что когда считаешь, не так страшно.

— Пойдём спать, — сказал он.

— Иди, — сказал Максим. — Я посмотрю.

Утром ударил мороз. Кассиан проснулся от того, что в комнате было светло и холодно, и вода в тазу подёрнулась коркой. Он разбил её ладонью, умылся и пошёл вниз.

У третьей башни с самого низа лежали леса, поставленные ещё осенью, и на лесах работали трое. Старший каменщик стоял внизу и держал в руке отвес, хотя мерить было нечего.

— Покажи, — сказал Кассиан.

Каменщик поднял голову, и по его лицу было видно, что он не рад.

— Ваша милость. Тут не на что смотреть.

— Покажи.

Он подвёл Кассиана к стене и ткнул пальцем, не касаясь камня. На шве, в двух локтях от земли, шла тёмная линия. Тонкая, не толще волоса, она уходила вниз и терялась между камнями.

Кассиан присел. Он знал этот шов. Он сам его клал, и клал в дождь, и помнил, как раствор схватывался медленно и как

он держал стену ладонями, чтобы схватилось ровно.

— Когда?

— Вчера не было, — сказал каменщик. — Я вчера тут ходил.

— Отчего это?

Каменщик переступил с ноги на ногу. Он был из тех, кто не любит говорить, чего не знает.

— От мороза, — сказал он. — Вода в шов попала, ночью встала, днём отойдёт. Бывает.

— Бывает, — повторил Кассиан.

— Бывает, — сказал каменщик твёрже и посмотрел ему в глаза, и в этом взгляде было всё, чего он не сказал: что камень целый, что кладка ровная, что садил её сам правитель и что про это лучше молчать.

Кассиан кивнул. Он не знал, что сказать, а говорить наугад не умел.

— Сколько дней держит замазка? — спросил он.

— До мороза.

— До какого?

— До первого. — Каменщик вытер руки о передник. — Ваша милость, я скажу как есть, а вы уж решайте. Замазка держит воду, а не стену. Пока вода в шве, я её выгоню. Как пойдёт камень, я её не удержу.

— Так пойдёт?

— Не должон, — сказал каменщик и посмотрел в сторону. — Кладка ровная. Отвес стоит.

— Замажьте, — сказал Кассиан.

— Замажем, — сказал каменщик.

Он уже разворачивался, когда услышал за спиной, как кто-то из молодых сказал шёпотом: «От мороза». И второй ответил: «Ага. Мороз в мае».

Кассиан сделал вид, что не слышал. Он шёл по двору и считал: до отъезда два часа, лошадей Мортимер обещал к полудню, узелок собран. Считал и не мог перестать думать о том, что линия тонкая и что тонкие линии всегда начинаются одинаково.

К полудню Мортимер привёл лошадей. Он вывел их сам, одну за другой, и ставил под уздцы, как ставят товар на продажу.

— Этот, — сказал он про вороного. — Ноги добрые, норов тяжёлый. Этот, — про гнедую кобылу, — ходит мягко, но боится мостов.

— Мостов будет два.

— Я знаю. Потому и говорю.

Гарт поставил у ворот двадцать мечников и держал их в строю, пока грузили. Лиандра вышла последней, с луком на плече и колчаном на поясе, и Гарт, увидев её, ничего не сказал, только отступил на полшага.

— Двадцать мало, — сказал он Кассиану.

— Двадцать довольно.

— На дороге не довольно.

— На дороге довольно, — сказала Лиандра. — В столице

не довольно, но там нас встретят.

Лёнька ехал замыкающим, на низкой мохнатой лошадке, и всю дорогу до переправы трогал нож за голенищем.

Первый раз кровь пошла на подъёме, за второй верстой, когда дорога взяла круто влево и пришлось спешиться. Кассиан почувствовал тёплое в носу, достал платок, а платка не было, и он вытер рукавом.

— Ветер, — сказал он Лёньке, который ехал рядом и смотрел.

— Ага, — сказал Лёнька. — Ветер.

Больше он ничего не сказал, но до самой переправы ехал с той стороны, где рукав был виден.

К вечеру они встали на постоялом дворе у моста, где пахло квашеной капустой и мокрой шерстью, и хозяин, увидев двадцать мечников, сразу сказал, что мест нет, а потом нашёл четыре комнаты.

Кассиан вышел во двор, пока разгружали. Лёнька сидел на колоде у коновязи, поставив фонарь между колен, и что-то писал на дощечке, прикусив от старания язык.

— Что пишешь?

— Что видел. — Он не поднял головы и дописал до конца, прежде чем отложить уголёк. — Вы же велели, чтобы всё.

— Покажи.

Лёнька повернул дощечку. Почерк у него был крупный, косой, с нажимом, и строки загибались вниз, как будто падали с края.

Кассиан прочёл. Девять строк за три недели. Восемь коротких: «приезжали двое купцов, говорили про соль», «в третьем складе мешки сырые», «Гарт бил палкой по столу». Девятая была длинная.

— Это что? — спросил он.

— Ардэн. — Лёнька отвёл глаза. — Я записал, сколько там было дворов. Четыреста двадцать семь. Веллан говорит, сейчас четыреста пятьдесят.

— Зачем?

— Чтобы если спросят, я знал, — сказал Лёнька просто.

Кассиан посмотрел на него. У мальчишки от холода были красные руки, и он грел их об фонарь, не замечая, что железо тоже холодное.

— Лиандре про кровь не говори, — сказал Кассиан.

Лёнька поднял голову и посмотрел так, будто его попросили перепрыгнуть крепостную стену.

— Я не умею, — сказал он.

— Научись.

— Я не умею, — повторил Лёнька и беспомощно развёл руками. — Вы же сами велели, чтобы я всё записывал и всё говорил. А теперь говорите не говорить. Так нельзя.

— На этот раз можно.

— Не можно, — сказал Лёнька. — Я один раз соврал, в Ардэне, когда спрашивали, сколько в стене проломов. Соврал, что два. А было три. Мне потом всю неделю казалось, что стена на меня смотрит.

Он сказал это, не выпрашивая прощения и не прося пощады, просто положил между ними, как монету на стол.

— Хорошо, — сказал Кассиан. — Говори. Только говори ей, а не при всех.

— При всех я и не успею. — Лёнька снова взял уголёк. — Она спрашивает раньше.

Максим, до этого молчавший весь день, сказал коротко:

— Он тебе не слуга. Он тебе совесть. За обед не купишь.

Лиандра вошла к нему, когда он сидел на кровати и стягивал сапоги. В руке у неё была дощечка и уголёк.

— Покажи рукав.

— Он грязный.

— Я видела грязные рукава. — Она взяла его за запястье и повернула к свече. На тёмной ткани пятно было почти незаметно, но она его нашла сразу. — Второй раз за день.

— Один.

— Первый был на подъёме. Лёнька сказал.

— Лёнька много говорит.

— Лёнька говорит мало и всегда правду, — сказала Лиандра. — Он не умеет врать, ты знаешь.

Она села на табурет, положила дощечку на колени и посмотрела на него так, как смотрят на человека, который сейчас начнёт торговаться.

— Сколько ты теряешь?

— Лиандра.

— Сколько ты теряешь? — повторила она. — Не мне.

Вслух.

Он молчал. За стеной кто-то из мечников ругался с хозяином из-за сена, и голоса были слышны так ясно, будто они стояли в комнате.

— Камень, — сказал он.

— Дальше.

— Голос.

— Дальше.

— Себя.

Она записала. Уголь скрипел по дереву, коротко и сухо, три слова в столбик.

— Теперь подпиши.

— Что?

— Подпиши, — сказала она и протянула ему уголёк. — Своей рукой. Чтобы завтра, когда скажешь, что не говорил, я тебе показала.

Он посмотрел на дощечку. Там было написано её почерком, ровно, как в счётной книге: «камень, голос, себя».

— Это не приказ, — сказала она тише. — Это твоя цена. Заплатить её за тебя я не могу.

Он взял уголь и поставил под столбиком своё имя, коротко, как ставил на грамотах.

Лиандра убрала дощечку за пазуху, встала и поцеловала его в макушку, сухо и быстро.

— Спи, — сказала она. — Я буду рядом.

Кровь в эту ночь больше не пошла.

Дом Валдо

До столицы было шесть дней, и на второй из них гнедая кобыла отказалась идти через мост.

Она встала за три шага до настила, упёрлась и опустила голову, и Мортимер, который ехал позади, сказал без удивления:

— Я говорил.

Лиандра слезла первой. Она не стала тянуть повод, а обошла кобылу, взяла её за храп и пошла впереди, не оглядываясь, и кобыла пошла за ней, потому что за человеком идти проще, чем по доскам.

— Как ты это делаешь? — спросил Кассиан.

— Я не делаю. — Она подождала на середине моста, пока кобыла переступит. — Я просто иду и не оборачиваюсь. Она думает, что я знаю дорогу.

На третий день пошёл дождь. На четвёртый они обогнали обоз с солью и ехали вместе до вечера, потому что двадцать мечников и обоз с солью на дороге стоят дороже, чем двадцать мечников без обоза. Обозник всю дорогу рассказывал, сколько стоит соль в столице и сколько в Ардэне, и Веллан записал оба числа.

Застава стояла на пятый день, у поворота, где дорога расширялась и дальше шла мощёная.

Стражников было шестеро, и они проверяли всех: спра-

шивали имя, откуда, что везут, и записывали в книгу с толстыми корками. Книга лежала на столе под навесом и была мокрой по краям.

— Нордхейм, — сказал старший, прочтя грамоту. — Тарнхолл.

— Тарнхолл, — подтвердил Кассиан.

— Двадцать один человек с оружием.

— Двадцать мечников, лучница и я.

Старший посмотрел на Лиандру и записал: «лучница — одна».

Потом он велел сложить оружие на стол. Это заняло время. Мечники клали мечи без охоты, и один, молодой, задержал руку.

— Вернут на той стороне, — сказал старший. — Всё в книге.

У Лёньки нашли нож. Он был за голенищем, короткий, с обмотанной ручкой, и Лёнька, когда его достали, побледнел так, как не бледнел в бою.

— Это мой, — сказал он.

— Записываю.

— Он не для людей. Он для верёвок и для хлеба.

— Записываю, — повторил старший и обмакнул перо. — Имя.

— Лёнька.

— Полное.

— Лёнька, — сказал Лёнька беспомощно. — У меня нет

полного. Только это.

Старший посмотрел на него, потом на Кассиана, потом снова на Лёньку и написал: «Лёнька, разведка, нож один, короткий».

— На той стороне получишь, — сказал он. — Если будет кому получить.

Лёнька шёл через заставу молча. За воротами он догнал Кассиана и сказал:

— Он его не вернёт.

— Вернёт. Он записал.

— Он записал «короткий», — сказал Лёнька. — А он длинный. Если вернут короткий, это будет другой нож.

Кассиан остановился.

— Тогда купим новый.

— Новый надо точить три дня. — Лёнька шёл рядом и смотрел под ноги. — И он уже привык к руке.

Столица началась не сразу. Сначала были огороды, потом ряд домов, потом стена, которой Кассиан не помнил, и новые ворота с чужой резьбой. За воротами улица пошла вниз, к реке, и на ней было столько людей, что Мортимер придержал коня и поехал шагом.

Канцелярия стояла у площади, и у окошка была очередь. Двадцать человек, не меньше, и почти все с бумагами. Кассиан встал последним.

Перед ним стоял мужик с берестой, обмотанной вокруг палки, и береста пахла дымом так, что писарь за окошком

морщился и отодвигался.

— Опять, — сказал писарь. — Где ты их держишь, что они дымом пахнут?

— В бане, — сказал мужик.

— В какой бане?

— В своей.

Писарь вздохнул и взял бересту двумя пальцами, за угол.

Очередь шла медленно. Когда Кассиан наконец положил в окошко грамоту, писарь посмотрел на печать, потом на него, потом опять на печать, и в его лице что-то переменилось.

— Вам не сюда.

— Мне сюда. Грамота на печать.

— Грамота на печать — не к окошку. — Писарь понизил голос. — Это в третью комнату. И вам лучше не стоять в очереди, ваша милость.

— Почему?

— Потому что здесь всё записывают. — Писарь кивнул на книгу. — А потом читают те, кому не надо.

Дэррик ждал его у выхода из канцелярии.

Он был в хорошем платье, тёмно-синем, с новыми застёжками, и от него пахло вином и воском, как пахнет от человека, который выпил перед тем, как выйти, и потом жевал для запаха.

— Брат, — сказал он и обнял его коротко, как обнимают на людях. — Я думал, ты пришлёшь Веллана.

— Веллан приехал.

— Веллан приехал считать. — Дэррик отступил на шаг и оглядел его сверху вниз. — А ты приехал подписывать.

— А ты?

— А я здесь живу. — Дэррик взял его под локоть. — Идём. Здесь нельзя стоять на улице с таким лицом.

Они шли вниз по улице, и Дэррик говорил ровно, не поворачивая головы, так, как говорят вещи, которые не должны услышать прохожие.

— Брак не про невесту, — сказал он. — Пошлины на востоке держит дом Валдо. Ты возьмёшь жену, а получишь заставу, и заставу не на год, а на всё время, пока она жива.

— Я это знаю.

— Знал бы, не приезжал. — Дэррик остановился. — Ты знаешь, что пошлины её? Не дома, не королевы. Её собственные, приданые. Она их держит с шестнадцати лет, и держит лучше, чем её дядя держал бы.

Кассиан остановился.

— Откуда ты знаешь?

— Я здесь год. — Дэррик усмехнулся и сразу перестал. — Здесь знают все. Просто не считают нужным говорить вслух.

Он пошёл дальше и, пройдя шагов пять, добавил, не меняя голоса:

— И ещё одно. В совете спрашивали, согласен ли я стать тихим правителем в Нордхейме.

Кассиан догнал его.

— Кто спрашивал?

— Тот, кто всегда спрашивает.

— Дэррик.

— Я не согласился, — сказал он. — Я же не сказал, что согласился. — Он поправил манжету. — Но спрашивали не в первый раз и не в последний. Ты приехал торговаться, а торгуются не с тобой.

Дом Валдо стоял на склоне за площадью, тёплый, с коврами на стенах и с запахом воска, который не выветривался. Слуга провёл его на второй этаж и открыл дверь в комнату, где за столом сидела женщина в тёмном платье без украшений.

Она не встала.

— Садитесь, — сказала она. — Вы приехали на два дня раньше, чем я думала.

Кассиан сел. Стол между ними был завален бумагами: листы, перевязанные шнурком, связки по пять, чернильница с обгрызенным пером и на краю, отдельно, аккуратный столбик исписанных дощечек.

— Я ждала посла, — сказала она. — Или графа.

— Граф считает в канцелярии.

— Граф считает хорошо. — Она посмотрела на него прямо. — Я прочла его счёт за прошлый год. Три ошибки.

— Он будет рад.

— Не будет, — сказала Сесилия без улыбки. — Но это неважно. Важно, что вы приехали сами.

Она взяла со стола лист и подтолкнула к нему. На листах

были чернильные пятна, и на пальцах у неё тоже, на сгибах, как у писца, который много переписывает.

— Сначала дело, потом всё остальное, — сказала она. — Меня отдают как пошлину. Так хотя бы пошлину пусть считают правильно.

Кассиан взял лист.

Это был проект. Пошлина с восточного тракта в четыре части, общая охрана, общий суд, запись в открытую книгу, кто идёт с товаром, тот платит и не присягает.

Он читал медленно. Она ждала, не подгоняя, и это было приятнее, чем он ожидал.

— Хорошо, — сказал он наконец.

— Не хорошо. — Сесилия забрала лист и положила на место. — Я внесла это в совет в январе. Совет положил под сукно. Не потому, что плохо, а потому, что не их.

— А чьё?

— Моё. — Она сложила руки на столе. — Пошлины на востоке мои, приданые. Я держу их с шестнадцати лет. Я знаю, сколько стоит верста дороги и сколько стоит человек, который на ней стоит. И место моё в совете стоит дороже, чем все они вместе.

— И вы хотите, чтобы я его вам дал.

— Я хочу, чтобы вы его не отняли. — Она чуть наклонила голову. — Место в совете даёт корона. Но корона даёт его тому, кому не может отказать. Если правитель Тарнхолла встанет в зале и скажет, что проект мой и что без меня тракт

не пойдёт, короне придётся меня посадить.

— А брак?

— Брак — это цена, которую корона назначила мне. — Сесилия сказала это так же ровно, как говорила про версты. — Мне не нужен ваш дом. Мне нужно своё место. И если вы поддержите проект при всех, я сама откажусь от брака.

— Почему сами?

— Потому что тогда это будет мой отказ, а не ваш. — Она впервые улыбнулась, коротко. — Корона не сможет вас упрекнуть. Я скажу, что вы мне не подходите, и это будет правда. Вы не подходите. Вы худы, у вас кровь идёт по два раза в день, и вы всё время считаете, даже сейчас.

— Считаю, — согласился он.

— Я тоже, — сказала она. — И вас посчитала.

Кассиан поднял глаза.

— Вы перечитали эту страницу. Я видела. — Сесилия отложила лист. — В зале это заметят быстрее, чем здесь, и не простят.

Он посмотрел на страницу. Строки были знакомые, а где он остановился, он не помнил.

— Я устал с дороги.

— Все устают. — Она подтолкнула к нему связку. — Возьмите. Это копия. Мне нужно, чтобы вы знали проект лучше, чем я, иначе в зале вы поплывёте.

Кассиан взял связку и перелистал. Всё было на месте: четыре части, охрана, суд, книга. Всё, кроме одного.

— Здесь не хватает строки, — сказал он.

— Какой?

— Что армия по тракту не ходит.

Сесилия посмотрела на него и не сразу ответила. Она сняла с пальца чернильную корочку.

— Этого нельзя провести, — сказала она. — Армия ходит там, где хочет.

— Тогда это не тракт, — сказал Кассиан. — Это пошлина.

Она смотрела на него ещё немного, и в её лице что-то переменилось, как у человека, который нашёл в счёте не то, что искал.

— Я прибавлю строку, — сказала она. — Но им это не понравится.

— Мне тоже не понравится, — сказал он. — Я ещё не знаю, чем буду платить.

Лиандра ждала его на улице, у фонаря. Она успела переодеться в сухое и держала под мышкой книгу в кожаном переплёте.

— Веллан отдал? — спросил он.

— Веллан отдал. — Она кивнула на дом за его спиной. — И что она?

— Она сама откажется.

— Так просто?

— Не просто. — Кассиан пошёл рядом с ней вниз по улице. — Она хочет место в совете и чтобы её проект провели при всех. За это она откажется сама, при свидетелях, и ко-

рона не сможет сказать, что я её отверг.

— А если корона скажет, что ты её заставил?

— Тогда она скажет, что заставил, а она скажет, что нет. — Он пожал плечами. — Свидетели будут на её стороне. Женщина, которая отказывается от свадьбы, всегда права.

Лиандра усмехнулась, коротко и без веселья.

— Она умная.

— Да.

— Красивая?

— Не заметил.

— Врёшь, — сказала Лиандра без обиды. — Но врёшь хорошо, и я это запишу как достижение.

Они дошли до угла. Внизу был мост, за мостом — квартал, где они стояли, и в окнах уже зажигали свет.

— Она тебе сказала про пошлины? — спросила Лиандра.

— Сказала. Пошлины её, приданые, держит с шестнадцати лет.

— Тогда она стоит дороже, чем корона думает. — Лиандра остановилась. — Ты понимаешь, что она тебя пересчитает?

— Пересчитает.

— Она посчитала тебя, пока ты читал её проект. — Лиандра посмотрела на него. — Я бы на её месте посчитала.

— И что бы ты увидела?

— Что ты не умеешь просить, — сказала она. — И что за это можно взять дорого.

Она пошла дальше, и он пошёл за ней.

— Я хочу с ней поговорить, — сказала Лиандра, не оборачиваясь.

— Зачем?

— Потому что нас двоих хотят отдать как пошлину, и мы обе это знаем. — Она поправила книгу под мышкой. — Мужчины об этом говорят отдельно, а мы могли бы посчитать вместе.

— Тебя в совет не пустят.

— Меня и в канцелярию не пустили. — Она усмехнулась. — Я стояла у окошка, пока Веллан ходил в третью комнату. Писарь сказал, что с луком нельзя.

— А с книгой?

— С книгой можно. Книга — это бумага, а бумага — это человек, который её держит.

Кассиан остановился.

— Ты слышала.

— Нет, — сказала Лиандра. — Я так думаю сама. И мне не нравится, что ты думаешь так же.

Королева-мать принимала в маленькой комнате за залом, где стояли два кресла и низкий стол с фруктами. Фрукты были прошлогодние, яблоки сморщенные, и она сама взяла одно и положила себе на блюдце, но не ела.

— Садитесь, ваша милость, — сказала она. — Вы, должно быть, устали с дороги.

— Устал.

— Шесть дней. — Она улыбнулась. — Я помню, как это долго. В моё время из Нордхейма ехали восемь.

— Дорогу поправили.

— Поправили, — согласилась она. — Вам и поправлять.

Она была красива той красотой, которую не портит возраст, и говорила так, будто всё уже решено и она просто даёт ему время это понять.

— Вы приехали сами, — сказала она. — Я думала, пришлёте графа.

— Граф считает.

— Все считают, ваша милость. — Она положила яблоко обратно. — Я с той зимы, когда вы держали Ардэн, и счёт у меня не сходится.

Кассиан ждал.

— Вы выстояли там, где другие отступили, — сказала королева. — И теперь всякий, кому не нравится, как я веду дела, говорит: а вот Кассиан выстоял. Не потому, что вы этого просите. Вы вообще ничего не просите, это мне в вас нравится.

— И поэтому вы предлагаете мне родню.

— Поэтому я предлагаю вам родню. — Она чуть наклонила голову. — Породнившись, вы становитесь моим. Не чужим знаменем, а своим человеком. Это гораздо спокойнее для всех.

— Для кого для всех?

— Для королевства, — сказала она мягко. — Для вас. Для

девочки, которую вы не знаете и которая вас тоже не знает.

Кассиан молчал. В комнате пахло яблоками и воском, и было слышно, как в зале за стеной кто-то ходит, ровно, туда и обратно, как ходят часовые.

— Я не хочу вас заставлять, — сказала королева. — Заставлять глупо. Я хочу, чтобы вы сами увидели, что это лучший из ваших ответов.

— А если я увижу другое?

— Тогда я вас выслушаю. — Она улыбнулась. — Я всегда выслушиваю. И тогда мы вернёмся к тому, с чего начали.

— К оговорке.

— К оговорке, — сказала она. — К военному сбору. К комиссару, который приедет и посчитает вас сам, и я не стану ему мешать, потому что он ищет правду, а правда всегда полезнее.

Она взяла со стола грамоту. Не копию, а ту самую, с печатью, и Кассиан не понял, как она у неё оказалась, потому что грамота лежала в Ардэне на столе у Стоуна.

— Вы привезли копию, — сказала королева, увидев его лицо. — Это правильно. Но здесь у меня оригинал. Не пугайтесь, я не ворую бумаги. Мне их присылают.

— Кто?

— Тот, кто хочет, чтобы я знала. — Она погладила край грамоты. — Люди думают, что бумага — это вещь. Бумага — это человек, который её держит.

— И кто её держит?

— Сейчас вы. — Она посмотрела на него поверх грамоты. — Пока вы здесь и пока вы согласны. В тот день, когда вы уедете и не согласитесь, её будет держать кто-нибудь другой, и он будет держать её против вас.

Кассиан встал.

— Родня или ничего, ваша милость, — сказала королева, не повышая голоса. — Я не торгуюсь. Я просто жду, пока вы сосчитаете.

Он поклонился и вышел, и, уже взявшись за дверь, услышал:

— Ваш брат заходил ко мне на прошлой неделе. Он хороший человек. Он только не знает, что с этим делать.

На улице было холодно и ветрено, и пахло рекой. Кассиан стоял на ступенях и смотрел, как внизу, у моста, разгружают баржу с солью, и думал о том, что его грамота лежит на столе у женщины, которая не собиралась её отдавать.

Он постоял ещё немного и пошёл к дому. По дороге он считал, сколько дней осталось до совета и сколько будет стоить постой.

Человек с серебряной цепью

Дом у моста сняли на месяц, и в нём пахло сыростью и чужим мылом. Кассиан положил монету на стол, когда разбирал карманы, и Веллан, увидев её, взял и раскрутил на столе.

Монета ходила долго, потом легла орлом кверху.

— Тарсийская, — сказал Веллан. — Серебро хорошее. Наши так не чеканят.

— С ардэнской площади.

— Знаю. Я её видел в вашем кармане ещё в Тарнхолле. — Он раскрутил монету снова. — Я тогда подумал, что вы её носите как трофей.

— Как счёт.

— Это одно и то же, если считать правильно.

Он достал из сумки папку и разложил на столе листы. Их было немного: восемь или девять, исписанных мелко, с обеих сторон, и один свёрнутый вчетверо, который он развернул и придавил монетой.

— Я начал это в Ардэне, — сказал он, — и продолжил здесь. Смотрите.

Кассиан сел.

— Серебро, — сказал Веллан. — С той зимы, как сожгли Ардэн, в город и в крепость приходило серебро с орлом. Не много и не мало: около четырёх тысяч марок за два года. В книгах отмечено восемьсот.

— А остальное?

— Остальное не проходило через книги. — Веллан ткнул пальцем в первый лист. — Я спрашивал у купцов. Купцы говорят: не наше дело, платили серебром, серебро не спрашивает, откуда оно. Я спрашивал у мытарей. Мытари говорят: мы считаем товар, а не монету. Я спрашивал у Стоуна.

— И что Стоун?

— Стоун сказал: «Считай по лицам». — Веллан отложил перо. — Он всегда так говорит, когда не хочет сказать вслух.

Он перевернул лист.

— Серебро шло не от купцов и не от посольства. Посольство здесь, на улице Ткачей, и его книги я видел: у них всё чисто, они даже пошлину платят, хотя могли бы не платить. Серебро шло через два двора. — Он развернул свёрнутый лист. — Дом Крайнов, соль. И дом Лейтов, железо. Оба торгуют с империей двенадцать лет, оба имеют склады в Ардэне, оба пережили пожар лучше, чем город.

— Лучше, чем город?

— У Крайнов сгорел один склад из четырёх. У Лейтов ни одного. — Веллан посмотрел на него. — Я не говорю, что они поджигали. Я говорю, что они знали, где не надо держать товар.

Кассиан взял лист и прочёл имена. Там было много имён, и почти все ему ничего не говорили.

— И что с ними?

— С ними пока ничего. — Веллан сел напротив. — Важ-

нее другое. Оба двора держат людей в совете. У Крайнов — писарь канцелярии, тот самый, что сидит у окошка. У Лейтов — судья, шестой из девяти.

Кассиан положил лист.

— Ты уверен?

— Я проверял дважды. — Веллан сложил бумаги, но не убрал. — Писарь получает восемьдесят марок в год и живёт в доме с садом. Судья получает сто двадцать и держит конюшню на шесть лошадей. Я не считаю чужих садов, ваша милость, но я умею считать разницу.

— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю не защищаться. — Веллан сложил руки на папке. — Как только вы начнёте защищаться, вы станете подсудимым. Пока вы считаете, вы — счётчик. Счётчику можно предъявить бумаги и спросить, откуда цифра.

— А если спросят, откуда цифра?

— Тогда я скажу, что считал по лицам. — Он чуть усмехнулся. — Это единственный счёт, который не оспоришь.

За стеной, в сенях, стукнула дверь. Слуга, которого они наняли на неделю, вошёл и сказал, что к ним человек, не назвался, но говорит, что его ждут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.